

Коллаборационизм на советских оккупированных территориях: историография последних лет

Ирина Махалова

Collaboration in the occupied Soviet territories: historiography of recent years

Irina Makhhalova

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870005133-7

В годы Второй мировой войны на территории СССР, оккупированной войсками Германии и её союзниками, оставалось около 70 млн советских граждан¹. Некоторые из них ушли в подполье и пополнили партизанские отряды. Кто-то, не желая рисковать, решил переждать оккупацию и выполнял требования нового режима. Наконец, часть населения по разным причинам поступила на службу к немцам (вермахт, полиция, охранная служба гетто, местные администрации, редакции газет и т.д.). Формы такого сотрудничества (с участием 1—1,5 млн советских граждан) варьировались в зависимости от нужд оккупантов и особенностей захваченных ими территорий². Многие из оставшихся здесь людей прожили при альтернативном режиме более двух лет. Это время стало своего рода испытанием на прочность для советской системы, успевшей воспитать после революции 1917 г. новое поколение граждан.

В настоящей статье представлен анализ историографии феномена коллаборационизма на советских оккупированных территориях, начиная с первых лет холодной войны (до 1991 г., распад СССР) и заканчивая сегодняшним днём. Также одной из задач исследования является поиск ответа на вопрос: был ли преодолён идеологический разрыв между отечественными и западными историками в процессе изучения темы, стало ли оно интернациональным?

До 1991 г. на фоне обострения противоречий между различными политическими системами советские архивы оставались закрытыми для зарубежных учёных. Поэтому чаще всего они обращали внимание на деятельность генерала А.А. Власова³, оценка личности которого по сей день вызывает дискуссии

© 2019 г. И.А. Махалова

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

¹ *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М., 2010. С. 7. М.И. Семиряга отмечал, что на оккупированных территориях осталось не менее 60 млн человек (*Семиряга М.* Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 4—5).

² А.Е. Епифанов и С.В. Кудряшов считают, что около 1 млн человек можно считать коллаборационистами, С.И. Дробязко пишет о 1,3—1,5 млн (*Епифанов А.Е.* Организационные и правовые основы наказания гитлеровских преступников и их пособников в СССР. 1941—1956 гг. М., 2017. С. 74; *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941—1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 90—91; *Дробязко С.И.* Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 131—133).

³ *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories. Cambridge, 1987; *Hoffman J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg (Breisgau), 1984.

среди российских и западных историков⁴. Исследования последних базировались на опубликованных за рубежом многочисленных воспоминаниях бывших участников различных коллаборационистских формирований⁵. В качестве основной причины, побудившей советских людей сражаться на стороне врага, называлось их огромное желание освободить свою страну от «ненавистного большевистского ига». Иными словами, превалирующим стало представление о коллаборационистах как о борцах за свободу, а не предателях, причём такой взгляд иллюстрировали реалии холодной войны.

Не менее популярным сюжетом в зарубежной историографии (в частности в 1970-х — начале 1980-х гг.) стала принудительная репатриация советских граждан, оставшихся к концу войны на территории западноевропейских стран⁶. Работы историков основывались лишь на опубликованных источниках⁷ и документах из британских и американских архивов. Среди западных исследователей шли споры по вопросам: какова роль США и Великобритании в процессе репатриации советских граждан, насколько добровольным было их возвращение на родину⁸? Относительно последнего возобладало мнение о том, что эти люди, будучи оппозиционно настроенными к сталинскому режиму, хотели остаться за рубежом⁹.

Между тем именно на Западе впервые появились фундаментальные исследования по истории оккупации Советского Союза. Повседневная жизнь его граждан, скрытая от глаз остального мира, на протяжении долгого времени оставалась загадкой для зарубежных учёных. После войны у них появилась уникальная возможность узнать о советской повседневности из первых уст, поскольку сотни тысяч советских людей решили не возвращаться домой. Помимо прочего, интерес к этой теме возрос с началом холодной войны.

В конце 1940-х гг. при Русском исследовательском центре Гарвардского университета под руководством А. Инкелеса и Р. Бауэра в рамках соответствующего проекта¹⁰ проводились интервью с советскими гражданами, по тем

⁴ В последнее время споры разгорелись вокруг докторской диссертации К.М. Александрова. Его обвиняют в чрезмерных симпатиях к генералу А.А. Власову, попытках оправдать его поведение в годы Великой Отечественной войны (*Плотников А.Ю., Василек В.В.* «Власовское движение» или ещё раз об истории предательства (На основе анализа докторской диссертации К.М. Александрова) // *Клио*, 2016. № 1. С. 196—202).

⁵ См.: *Киселёв А.Н.* Облик генерала А.А. Власова. Нью-Йорк, 1978; *Strik-Strikfeldt W.* Gegen Stalin und Hitler. Mainz, 1970; *Черкассов К.С.* Генерал Кононов (Ответ перед историей за одну попытку). В 2 т. Т. 1. Мельбурн, 1963; Т. 2. Мюнхен, 1965; *Хольмстон-Смысловский Б.А.* Личные воспоминания о генерале Власове // *Суворовец*. 1949. № 30—38; *Fröhlich S.* General Wlassow. Russen und Deutschen zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1987; *Алдан А.Г.* Армия обречённых. Нью-Йорк, 1969; *Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. Франкфурт-на-Майне, 1952; *Кумаев М.* Как это началось. Из воспоминаний сотрудника газеты «Заря». Нью-Йорк, 1970.

⁶ *Epstein J.* Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present, Old Greenwich, Connecticut, 1973; *Bethell N.* The Last Secret: the Delivery to Stalin of over Two Million Russians by Britain and the United States. N.Y., 1974; *Tolstoy N.* Victims of Yalta. L., 1977; *Elliot M.R.* Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in their Repatriation. Urbana, 1982.

⁷ Например, см.: *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945—1947). Т. 1—2. Нью-Йорк, 1962—1970.

⁸ О современных дискуссиях по данному вопросу см.: *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944—1952 гг. М., 2016. С. 9—15.

⁹ Работа, из-за которой в основном начались эти споры: *Fisher G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, 1952.

¹⁰ Подробнее про Гарвардский проект см.: *Brandenberger D.* A Background Guide to Working with the HPSSS Online (URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/working_with_hpsss.pdf). Руководителями Гарвардского проекта написан фундаментальный труд о повседневной жизни

или иным причинам оставшимися проживать в западных странах. Именно на этих интервью (помимо источников из многочисленных немецких архивов) базируется фундаментальный труд А. Даллина¹¹. Его работа до сих пор остаётся эталоном для любого исследователя, занимающегося историей нацистской оккупации. Анализируя поведение и настроения людей, оставшихся на захваченных врагом территориях, историк пришёл к выводу, что несмотря на то что жизнь в довоенном большевистском государстве была невыносимо тяжёлой, предложенная нацистами альтернатива оказалась ещё хуже¹². В результате немцы столкнулись с активным сопротивлением местного населения. Более того, Даллин предположил, что исход войны на Восточном фронте мог быть иным, если бы оккупационная власть вела себя иначе¹³.

Западные историографы 1950-х гг. — начала 1990-х гг. фокусировались в целом на оккупации СССР, пытаясь выявить общие черты, характерные для всех его захваченных территорий¹⁴. Историки США и ФРГ в первую очередь использовали в своих исследованиях документы из немецких архивов (многие из них стали доступны почти сразу после войны) и эмигрантскую литературу.

В советской историографии вопрос о сотрудничестве местного населения с немецкими оккупантами рассматривался лишь фрагментарно. Одним из обусловивших это факторов являлась особая политика памяти о Великой Отечественной войне. Когда в 1965 г., спустя 20 лет после её окончания, в Советском Союзе начали отмечать День Победы, власть «монополизировала» память о войне. По словам Л. Гудкова, это явилось началом «официального, демонстративного почитания “ветеранов”», появления «“лирической” тональности в описаниях войны (в первую очередь в воспоминаниях) и различных государственных ритуалах, этот процесс соединял стереотипизацию коллективного опыта... с соответствующими государственно-историческими понятиями о державной истории, национальной культуре, моральными оценками частной жизни и представлениями о пределах её автономности»¹⁵.

Историография, базировавшаяся на официальной «Истории Великой Отечественной войны, 1941—1945» и мемуарах советских маршалов была представлена лишь героическим нарративом. Хотя составной частью Дня Победы стало поминовение, печальная память о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях, основной идеей сформировавшейся культуры памяти стало представление СССР как страны-победительницы, спасшей мир от нацизма. Из официального дискурса исчезли целые категории жертв: евреи, оstarбайтеры, бывшие военнопленные, цыгане. Память о коллаборационистах, которые по определению являлись «предателями Родины» и «пособниками фашистов», тем более не соответствовала героизации войны, основой которой должны были стать подвиги ради защиты Советского государства¹⁶. Таким

советских граждан при сталинизме: *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959.

¹¹ *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945: a Study of Occupation Policies. L., 1957.

¹² *Ibid.* P. 678.

¹³ *Ibid.* P. 680.

¹⁴ *Dallin A.* German Rule in Russia.; *Mulligan T.* The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union. N.Y., 1988; *Reitlinger G.* Ein Haus auf Sand gebaut. Hamburg, 1962; *Rich N.* Hitler's War Aims. The Establishment of the New Order. N.Y., 1974.

¹⁵ *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html>).

¹⁶ Подробнее см.: *Кринько Е.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153.

образом, поведение коллаборационистов оценивалось исключительно морально-этическими категориями и учёными не анализировалось. Особое внимание советские историографы уделяли деятельности коллаборационистов прибалтийских республик и Западной Украины¹⁷.

Также на изучение феномена коллаборационизма в советское время повлияло ограничение доступа исследователей к соответствующим архивным источникам. В основном при написании работ по теме учёные использовали воспоминания партизан и членов подпольных групп. Здесь коллаборационисты изображались бывшими кулаками, жертвами репрессий и «буржуазными националистами» (так называли национальные меньшинства, которые по причине якобы массового сотрудничества с врагом в годы войны после её окончания были депортированы¹⁸).

Если западные историографы периода холодной войны изображали сотрудничавших с нацистами граждан СССР как смелых борцов со сталинским режимом, то советские — давали им исключительно негативную оценку, объясняя причины возникновения коллаборационизма классовой и национальной принадлежностью изменников Родины¹⁹.

После распада Советского Союза российские историки приступили к подробному исследованию данной проблематики. Во-первых, это объяснялось значением Великой Отечественной войны для государства в целом и для каждой семьи в частности. Как отмечал А. Вайнер, Победа 1945 г., оттеснив мифологию революции и Гражданской войны, стала для каждого гражданина СССР мощным способом советизации и самоидентификации²⁰. Во-вторых, исследователям стал интересен не только опыт людей, непосредственно сражавшихся на фронтах войны, но и переживших оккупацию. В-третьих, после «архивной революции» 1990-х гг. стало возможным всестороннее изучение социальной истории Второй мировой войны на Восточном фронте.

Началось исследование коллаборационизма как феномена, причём учёные старались отойти от морально окрашенных оценок поведения советских граждан, решивших сотрудничать с врагом. В связи с этим стоит отметить работу М.И. Семиряги²¹, который впервые в российской историографии показал, что в 1939—1945 гг. жители многих стран, несмотря на господствовавшие в них разные идеологии, сотрудничали с нацистским оккупационным режимом.

В постсоветский период историки выявили типы коллаборационизма (военный, гражданский, хозяйственный, в сфере культуры)²², начали подробно

¹⁷ Бутенас Ю. Буржуазные националисты-пособники гитлеровских оккупантов // Гитлеровская оккупация в Литве. Сборник статей. Вильнюс, 1966. С. 25—46; Коровин В.В., Чередниченко В.П. Буржуазные националисты на службе фашистских захватчиков // Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1974. С. 321—446; Мигович И.И. Преступный альянс. О союзе униатской церкви и украинского буржуазного национализма. М., 1985.

¹⁸ Например, относительно крымских татар см.: Uehling G. Beyond Memory. The Crimean Tatars' Deportation and Return. N.Y., 2004.

¹⁹ Подробнее о зарубежной историографии периода холодной войны см.: Suny R.G. Reading Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century: How the «West» Wrote its History of the USSR // The Cambridge History of Russia / Ed. by R.G. Suny. Vol. 3. Cambridge, 2006. P. 5—64.

²⁰ Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

²¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000.

²² Подробнее об этом см.: Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР... С. 156—157.

изучать его проявление в отдельных регионах (Украина, Белоруссия²³, оккупированные территории РСФСР²⁴, Литва, Латвия, Эстония²⁵), а также исследовать деятельность А.А. Власова²⁶, Б.В. Каминского²⁷ и др.

Однако многие труды по теме оказались чрезмерно политизированными и носили публицистический характер, но не содержали глубокого анализа феномена военного коллаборационизма. Основой для написания ряда таких работ послужили документы только из российских архивов, в то время как немецкие источники, необходимые для объективного рассмотрения событий войны, не привлекались.

Особое место в отечественной историографии после 1991 г. занимают труды, касающиеся сотрудничества национальных меньшинств с нацистским оккупационным режимом. Многочисленные исследования посвящены мусульманскому населению²⁸, из представителей которого немцы создавали специальные батальоны для борьбы с партизанами и Красной армией²⁹. Подобный интерес не в последнюю очередь объясняется тем, что представители национальных меньшинств, обвинённые в массовом сотрудничестве с врагом, были депортированы ещё до окончания войны. Советское правительство долго создавало, а затем и фиксировало в дискурсе соответствующую память о поведении таких групп населения. Неудивительно, что именно они оказались в центре внимания историков сразу же после распада СССР.

²³ *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина; *Ковалёв Б.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944 гг. М., 2004; *Романько О.В.* Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941—1945). Симферополь, 2008; *Соловьёв А.К.* Белорусская Центральная Рада. Создание, деятельность, крах. Минск, 1995.

²⁴ *Цветков А.* Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. Тверь, 2012; *Линец С.* Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: проявления, масштабы, характерные особенности. Пятигорск, 2009; *Журавлёв Е.* Особенности проявления коллаборационизма на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Азов, 2009; *Журавлёв Е.И.* Гражданский коллаборационизм на юге России в годы Великой Отечественной войны // *Российская история.* 2009. № 6. С. 70—79; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Полицай: история, судьбы и преступления. М., 2016.

²⁵ О коллаборационизме в Эстонии, Латвии и Литве в годы Второй мировой войны см.: *Уничтожение евреев в Латвии, 1941—1945.* Сборник статей. Рига, 2007.

²⁶ *Александров К.М.* Армия генерала Власова 1944—1945. М., 2006; *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. СПб., 2001; *Бахвалов А.* Генерал Власов. Предатель или герой? СПб., 1994; *Дробязко С., Карацук А.* Русская освободительная армия. М., 1998; *Коняев Н.* Власов. Два лица генерала. М., 2003.

²⁷ *Грибков И.* Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской освободительной народной армии. Орёл, 2008; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009.

²⁸ *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939—1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999; *Романько О.В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004; *Романько О.В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941—1944). Симферополь, 2009; *Гилязов И.А.* На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998; *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знамёнами «Третьего рейха». Казань, 2005.

²⁹ Подробнее о политике нацистской Германии в отношении мусульманского населения см.: *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, 2014.

Сегодня благодаря активному введению в научный оборот ранее не известных источников отечественные и зарубежные исследователи определяют новые тенденции изучения рассматриваемой тематики. Например, ещё частично остающаяся «белым пятном» история преследования и уничтожения советских евреев получила определённый импульс после изучения документов ЧГК (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 1942 г.)³⁰. Опубликованные после 1991 г. воспоминания людей, переживших нацистскую оккупацию, позволили по-иному взглянуть на социальную историю Второй мировой войны, в том числе на проблемы коллаборационизма.

В постсоветский период западные исследователи перешли на микроуровень и сконцентрировали внимание на особенностях коллаборационизма в конкретных регионах³¹. Этому способствовали как открытие для них российских, в том числе региональных, архивов, так и начавшееся на Западе изучение динамики и видов насилия (неотъемлемая часть нацистского оккупационного режима) как особого феномена.

В последние годы западные и отечественные историки вновь обратились к проблеме мотивации коллаборационистов. В центре таких исследований (в отличие от работ, написанных в годы холодной войны) оказались обычные советские люди, жители оккупированных городов и сёл, а также солдаты Красной армии и те, кто перешли на сторону врага в годы войны, но после её окончания вернулись в СССР.

М. Эделе (Университет Мельбурна)³², например, отвечая на вопрос, почему десятки тысяч красноармейцев ушли к немцам, констатировал: лишь малая часть солдат оказалась в стане врага действительно по политическим мотивам, главной же причиной дезертирства остальных стало их единственное желание — выжить³³.

Автор опроверг и гипотезу о детерминированности поведения во время оккупации определённых национальных или социальных групп советских граждан. Это мнение поддержал С. Бернштейн. Он подробно описал короткий

³⁰ О создании Чрезвычайной государственной комиссии см.: *Sorokina M.* People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // *Kritika*. Vol. 6. 2005. № 4. P. 805—835.

³¹ Об оккупации и коллаборационизме в Украинской ССР см.: *Dallin A.* Odessa, 1941—1944: Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. Iasi; Oxford; Portland, 1998; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004; *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s. N.Y., 1998; *Lower W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005; *Penter T.* Kohle für Stalin und Hitler: Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. Essen, 2010; *Eikel M., Sivaieva V.* City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941—1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // *Contemporary European History*. Vol. 23. 2014. № 3. P. 405—428. Об оккупации и коллаборационизме в Белорусской ССР см.: *Rein L.* The Kings and the Pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. N.Y., 2011; *Chiari B.* Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland 1941—1944. Düsseldorf, 1998. Об оккупации Смоленска см.: *Cohen L.R.* Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester, 2013. О взаимоотношении между солдатами армии вермахта и местным населением см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941—1944. München, 2008; *Hasenclever J.* Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941—1943. Paderborn, 2010.

³² *Edele M.* Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941—1945. Oxford, 2017.

³³ *Ibid.* P. 10.

период власти нацистов в Рязани и в итоге пришёл к выводу о том, что в тех обстоятельствах поведение людей основывалось на прагматических интересах, а не на симпатиях к большевистской или нацистской идеологии³⁴.

Бесспорным вкладом в изучение и понимание феномена коллаборационизма на советских территориях стала публикация документов из американских архивов. Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния) уже с 1919 г. приступил к сбору материалов по истории России. В 1951 г. в Нью-Йорке при Колумбийском университете был основан ещё один ориентированный на русскую историю архив — Бахметевский³⁵.

Некоторые документы из этих архивов опубликовал (в серии «История коллаборационизма») О.В. Будницкий. В 2012 г. вышел в свет «Дневник коллаборантки» Л. Осиповой, в замужестве Поляковой (машинописная копия — в Архиве Гуверовского института) и воспоминания В.Д. Самарина (текст — в Бахметевском архиве)³⁶, а годом позже — мемуары М.Д. Мануйлова об Одессе в период нацистской оккупации³⁷. Обе публикации знакомят исследователей с феноменом и мотивацией «идейного коллаборационизма» (сознательного неприятия советской системы) и иллюстрируют вариативность поведения и мышления людей в годы оккупации.

Всё больше внимания западные историки уделяют проблеме участия коллаборационистов в преследовании и уничтожении на оккупированных территориях СССР евреев³⁸. В этот процесс, как показал анализ изученных документов, более массово вовлекалось население Западной Украины, Западной Белоруссии и прибалтийских республик. С изучением данного вопроса связана проблема судебного и внесудебного преследования коллаборационистов во время и после войны³⁹. Это — часть истории о восстановлении советской

³⁴ *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority: Bezvlastie in Wartime Riazan', November–December 1941 // *Slavic Review*. Vol. 75. 2016. № 3. P. 560–582.

³⁵ Подробнее о коллекциях документов, содержащихся в этих архивах см.: *Будницкий О.В.* Материалы по истории оккупационного режима и коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в американских архивах // *Российская история*. 2014. № 3. С. 126–142.

³⁶ «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М., 2012.

³⁷ *Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944* / Сост. О.В. Будницкий, Т.Л. Воронина, К.П. Галеев. М., 2013.

³⁸ *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. N.Y., 2000; *Collaboration and Resistance during the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania* / Eds. D. Gaunt, P. Levine, L. Palosuo. N.Y., 2004; *Radčenko Y.* Accomplices to Extermination: Municipal Government and the Holocaust in Kharkiv, 1941–1942 // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 27. 2013. № 3. P. 443–463; *Feferman K.* The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem, 2016. P. 377–459.

³⁹ *Exeler F.* The Ambivalent State: Determining Guilt in the Post-World War II Soviet Union // *Slavic Review*. Vol. 75. 2016. № 3. P. 606–629; *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order // *American Historical Review*. Vol. 113. 2008. № 3. P. 701–730; *Kaiser C.* Betraying their Motherland: Soviet Military Tribunals of *Izmenniki Rodiny* in Kazakhstan and Uzbekistan, 1941–1953 // *Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 41. 2014. № 1. P. 57–84; *Kudriashov S., Voisin V.* The Early Stages of the «Legal Purges» in Soviet Russia (1941–1945) // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 49. 2008. № 2–3. P. 263–296; *Melnyk O.* Stalinist Justice as a Site of Memory: Anti-Jewish Violence in Kyiv's Podil District in September 1941 through the Prism of Soviet Investigative Documents // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 61. 2013. № 2. S. 223–248; *Exeler F.* What Did You Do during the War? Personal Responses to the Aftermath of Nazi Occupation // *Kritika*. Vol. 17. 2016. № 4. P. 805–835; *Jones J.* «Every Family Has Its Freak»: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia // *Slavic Review*. Vol. 64. 2005. № 4. P. 747–770; *Voisin V.* Spécificités soviétiques

власти на бывших оккупированных территориях, особое место в исследовании этого аспекта играют послевоенные суды НКВД над военными преступниками⁴⁰. В 1990-х гг. Мемориальный музей Холокоста (Вашингтон) получил копии личных дел коллаборационистов Украины, Крыма, Молдавии, прибалтийских республик. Сегодня эти источники — в открытом доступе в музейном архиве. Его работники, имея целью собрать документы по истории Холокоста, выбирали для своей коллекции только соответствующие дела. Западные исследователи ориентируются в первую очередь на данные документы, однако они труднодоступны для отечественных историков. Поскольку к 1991 г. в западных университетах уже сложилась практика изучения Холокоста, то во многом коллаборационизм в СССР стал частью именно этой истории, а не событий Великой Отечественной войны.

При работе с документацией послевоенных судов над коллаборационистами историки сталкиваются с рядом методологических трудностей. В результате в современном научном сообществе сформировались две противоположные точки зрения об использовании данного вида источника для изучения рассматриваемой темы. Наиболее спорным остаётся вопрос о том, являлись ли люди, осуждённые в ходе этих процессов, действительно преступниками, совершали ли они то, за что их осудили? Ведь в годы Большого террора протоколы составлялись следователями ещё до начала допросов, и для осуждения человека было достаточно лишь его признания, которого часто добивались посредством физического насилия⁴¹.

Как полагает Ф. Экселер, изучение практик послевоенных судебных процессов над преступниками в СССР, даёт намного больше информации относительно его послевоенной судебной системы, нежели о реальных действиях людей в годы оккупации⁴².

Хотя во время Нюрнбергского процесса СССР играл не последнюю роль, осуществлявшееся на его территории правосудие, считает Ф. Хирш (Висконсинский университет, Мэдисон), вряд ли соответствовало стандартам западного судопроизводства⁴³.

Другие же исследователи заявляли, что если в ходе судебных процессов 1930-х гг. жертвами репрессивной советской машины часто становились невиновные⁴⁴, то коллаборационисты действительно совершали преступления во время оккупации⁴⁵. Кроме того, методы ведения связанных с этими людьми судебных дел, отмечает Л. Виола, не имели ничего общего с периодом Боль-

d'une epuration de guerre européenne: la repression de l'intimité avec l'ennemi et de la parenté avec la trahison // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 61. 2013. № 2. P. 196—222; *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 — February 1946 // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 17. 2003. № 1. P. 1—30; *Енуфанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997.

⁴⁰ *Penter T.* Local Collaborators on Trial. Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943—1953) // *Cahiers du monde russe*. 2008. Vol. 49. № 2. P. 341—364; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation and Trial Documents and Their Relevance for Holocaust Studies // *The Holocaust in the East. Local Perpetrators and Soviet Responses* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A.M. Martin. Pittsburgh, 2014. P. 142—157.

⁴¹ *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial. Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. N.Y., 2017. P. 17, 22.

⁴² *Exeler F.* The Ambivalent State... P. 611.

⁴³ *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg... P. 703.

⁴⁴ *Cadiot J., Penter T.* Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 61. 2013. № 2. P. 168.

⁴⁵ *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 20—21.

шого террора. Скорее они напоминали методы, применявшиеся в отношении, например, сотрудников НКВД, хотя и работавших по всем нормам судопроизводства, но обвинённых в «нарушении социалистической законности»⁴⁶.

Западные исследователи единодушны в том, что единственным способом верификации является рассмотрение тех или иных свидетельств лишь в контексте с другими источниками (документами ЧГК, интервью более позднего времени, дневниками и мемуарами)⁴⁷. Тем не менее материалы послевоенных судебных процессов над коллаборационистами иллюстрируют активное участие местных жителей в преследовании и уничтожении еврейского населения и дают ценные сведения по истории Холокоста; разрушают миф советского времени о том, что с оккупационным режимом сотрудничали исключительно бывшие кулаки, жертвы репрессий и деклассированные элементы; подчёркивают наднациональный характер феномена коллаборационизма и, по утверждению Т. Пентер, дают возможность оценить мотивацию коллаборационистов⁴⁸.

Таким образом, окончание холодной войны, положив конец идеологическому противостоянию двух систем, оказало непосредственное влияние на изучение истории Второй мировой войны и как её составляющей феномена коллаборационизма. Западные историки начали привлекать документы из российских архивов, а отечественные получили возможность работать с зарубежными документами, что привело к обмену идей и интернационализации науки. Со временем выяснилось, что коллаборационизм — явление более сложное, чем представлялось ранее. Наряду с военным коллаборационизмом исследуются такие вопросы, как мотивация коллаборационистов, их участие в Холокосте и судебное преследование. Однако, если в российской историографии данная тема рассматривается как составляющая Великой Отечественной войны, то в зарубежной — в качестве комплекса проблем, связанных с историей и общеевропейского Холокоста, и советской послевоенной системы.

⁴⁶ *Viola L.* Stalinist Perpetrators on Trial... P. 167.

⁴⁷ *Melnyk O.* Historical Politics, Legitimacy Contests, and the (Re)-Construction of Political Communities in Ukraine during the Second World War. PhD Dissertation. Toronto, 2016. P. 140—162; *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority... P. 580, 581; *Prusin A.* «Fascist Criminals to the Gallows!»... P. 21; *Dumitru D.* An Analysis of Soviet Postwar Investigation... P. 145; *Edele M.* Stalin's Defectors... P. 13—15.

⁴⁸ *Penter T.* Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // *Slavic Review*. Vol. 64. 2005. № 4. P. 784.